

Ирина Бакулина
Коллектив Инстаписателей

**Слово за словом.
Благотворительный
сборник коротких рассказов**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Б19

Бакулина И. В., Инстаписателей К.

Слово за словом. Благотворительный сборник коротких
рассказов / Бакулина И. В., Инстаписателей К. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 161 с.

ISBN 978-5-532-94553-1

Сборник коротких рассказов современных авторов. В апреле 2020 года был проведен благотворительный марафон в поддержку молодой писательницы Ирины Бакулиной, которая нуждается в дорогостоящей пересадке почки. Все средства от проведения марафона и от продажи этого сборника пойдут на операцию Ирине. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-94553-1

© Бакулина И. В.,
Инстаписателей К., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Тутуся. Даша Берг	6
Про вилки. Даша Берг	8
Революция. Даша Берг	11
Дверь в будущее. Даша Берг	14
Сад. Анна Полянская	17
Сиропчик. Анна Полянская	20
Мама, титьки! Анастасия Шиллер	23
Сто причин. Анастасия Шиллер	25
Последний шанс. Анастасия Шиллер	28
Дождь. Анна Грэйс	30
Новый день. Анна Грэйс	34
Сказка для друга. Евгения Болдырева	39
Племянница. Евгения Болдырева	42
Та самая встреча. Мария Абдулина	45
Простая история. Анастасия Сысоева	48
Круг. Евгения Юрьевна Ворожейкина	51
Случайное знакомство. А. Тузенко	55
Без рпава на ошибку. Екатерина Прямоносова	58
Золотая пыль. Екатерина Прямоносова	60
Лифт. Екатерина Прямоносова	63
Лидочка. Екатерина Прямоносова	66
Один день. Наталья Рогачева	69
Вирусные истории. Анжелика Хинеева	73
Сказ про барана. Татьяна Салтыкова	77
Сбитый летчик. Лариса Медведева	80
История одного решения. Лариса Медведева	83

Дорога домой. Наталья Мукаева	87
Ниточка. Екатерина Бахарева	89
Убить проще... Мария Собчишина	93
Хороший вкус. Серебристая	96
Корректор. Алиса Аве	99
Новый день в жизни Теи. Алиса Аве	102
Фантазии. Алиса Аве	104
Мать. Алиса Аве	106
Второй шанс. Анна Околелова	109
Финальное испытание. Алина Фалинская	112
На родной земле. Тереса Владыко	115
Голубятница. Любовь Котова	117
Отношения - это не поле боя. Анастасия Медведева	120
Судьба в наших мыслях. Елена Чуйко	122
Братья. Нюша По	124
Чудик. Наталья Герасимова	127
Сюрпризы. Елена Викторовна Борисова	129
Одной крови. Катя Афанасьева	131
Париж. Наталья Менке	134
Конец. O_ruvina_art	137
ЕллоуЯщеры. O_ruvina_art	138
Павел. Севиндж Касымова	139
Во имя любви. Алия Саят	143
Братья наши большие. Юлия Бальмина	146
Чрезвычайно длинное чаепитие. Светлана Андреевна Якушина	148
Орко и Веня. Катерина Монякина рко и Веня	150

Пятнадцать вдохов. Екатерина Владимировна	
Александрова	153
Мост Решимости. Даниил Бочаров	156
Повод для веселья. Kitya	158

Тутуся. Даша Берег

Больше всего Тутуся любит воскресенья, когда не звенят на разные лады будильники, никто не долбит в закрытую дверь туалета и не чертыхается в прихожей в поисках ложки для обуви. По воскресеньям квартира похожа на аквариум – в ней спокойно, безопасно и можно неторопливо плавать туда-сюда до самого вечера. Пахнет вчерашним ужином, солнце лениво пробивается сквозь шторы, запуская новый день.

Обычно Тутуся спит в Санькиной комнате. Тот просыпается всегда рано, но с постели встает последним. Когда у него хорошее настроение, он любит скакать по кровати, размахивая джедайским мечом, а когда плохое – с угрюмым лицом долбит пальцами по телефону, пока Мама не позовет его завтракать. Сегодня у Саньки битва с клонами и осада Звезды Смерти, значит, день будет хорошим.

У Папы по воскресеньям длинный завтрак. В будни он уходит на работу рано, приходит поздно, перекусывает всякой гадостью, поэтому в единственный выходной подходит к еде со всей серьезностью. В девять утра он пьет кофе с шоколадкой, потом жарит себе глазунью из трех-четырёх яиц или шакшуку. Под «Непутевые заметки» выпивает большую чашку сладкого чая с молоком, ест бутерброды с колбасой и сыром и только потом торжественно разрезает лимонный пирог, испеченный Мамою с вечера, и медленно, растягивая удовольствие, жуёт его, начиная с хрустящей, засахаренной корочки. В кухню в это время никому, кроме Тутуси, заходить нельзя, потому что он устал от разговоров на работе и хочет молчать. Тутуся любит забраться под стол, прижавшись мордой к его коленям, и гадать, какое же лакомство ей сейчас перепадет.

Часов в одиннадцать возвращается с прогулки Мама – каждое воскресенье она проходит четыре километра скандинавской ходьбой. Раньше Тутуся любила ее сопровождать, распуская счастливым лаем голубей и маленьких собак, но с годами осела под столом у Папы. Мама убирает палки для ходьбы в кладовку и идет готовить

завтрак для Саньки, чаще просто хлопья с молоком. Сама Мама к еде равнодушна и съедает только яблоко, рассеянно глядя в окно и похлопывая Папу по лысине.

Еще по воскресеньям приходит Козюлина – так называет Санька старшую сестру. Та давно живет отдельно. От Козюлины всегда вкусно пахнет духами, а обувь на таких высоких каблуках, что ей приходится нагибать голову, чтобы войти в квартиру. Потом она снимает свои ходули и надевает тапки с зайцами без ушей.

Уши Тутуся им давно отгрызла.

Так повелось, что Санька – Мамин сыночек, а Козюлина – Папина дочка, поэтому полдня Мама с Санькой мастерят Тысячелетний Сокол из картона, а Козюлина гладит стрелки на Папиных брюках, потому что никто в семье, кроме нее, даже сам Папа, этого делать не умеет. Стрелки у Козюлины получаются острые, как лезвия у коньков, и вечером Санька будет долго кривляться, изображая, как брючина отрезала ему руку.

Но в последнее время Тутусю больше тянет в маленькую комнату, где живет Бабушка. Там нет воскресений, и все дни похожи друг на друга. С утра до вечера Бабушка смотрит в окно и беззвучно шевелит губами. Пахнет лекарствами и почему-то покоем. Вся эта комната – как одно сплошное воскресенье.

– А, Тутусенька, – радуется ей Бабушка, – пришла, моя хорошая?

Речь у Бабушки невнятная – ее зубы чаще красуются в стаканчике с водой, чем у нее во рту. Бабушка не знает, какой сейчас год, и часто забывает название города, в котором живет. Но Тутусе это даже нравится, и она блаженно дремлет возле старушки, паря в безвременье этой комнаты.

– Мама! – обращается к ней Мама, потому что та ее мама. – Ты опять забыла? Тутуси уже третий год нет.

– Нет? – удивляется Бабушка. – Значит, за мной она приходит...

– Ну что ты такое говоришь! – возмущается Мама и хочет сказать что-то еще, но пучина домашних дел засасывает ее, как пылесос, и она уходит. Жизнь берет свое.

А Тутуся и Бабушка, одинаково прикрыв глаза, остаются нежиться в солнечных лучах, качаясь в своем вечном воскресенье.

Про вилки. Даша Берег

– Окей, окей, окей, – Лена всегда повторяла это слово, когда пыталась успокоиться, но оно всегда заводило ее еще больше, – окей. Давай просто представим, что этого сейчас не было. Отмотаем назад, на пять минут назад, на две минуты назад...

– У меня, блядь, вилка в руке, что тут отматывать? – цедил сквозь зубы Марк, то ли от боли, то ли от бешенства.

Из правой ладони у него действительно торчала столовая вилка.

– Надо таблетку сразу выпить, я сейчас дам. Выпиваешь и потом вытаскиваешь. Или давай я?

– Ты ее уже туда запихала, дальше я сам.

– Окей.

Лена начала судорожно рыться в аптечке. Она чувствовала себя отличницей, не успевающей решить все задания в контрольной.

– Вот, анальгин...

– Ты смеешься? – ехидно спросил Марк и, проигнорировав протянутую руку с таблеткой, резким движением вытащил вилку из ладони. Пошла кровь.

Лена заплакала. Даже странно – вот уже вроде бы и чужие, а больно от его боли до сих пор, словно они еще одно целое.

Марк промокнул ладонь салфеткой. На мгновение на ней показался забор из одинаковых лунок, а потом все снова окрасилось красным.

– Ты зачем это сделала?

– Я боялась, что ты сейчас уйдешь, – тихо проговорила Лена.

– Думаешь, вилка могла меня как-то удержать?..

– Прости...

– Может, лед приложить?

Лена сходила на кухню и с виноватым видом принесла замороженную курицу.

– У меня только – вот...

Марк вздохнул и положил ладонь курице на бедро.

– Хорошо смотрите, – сказала Лена.

– Давай уедем, – шептала она ночью, пока Марк сжимал зубы от накатывающей боли и, не моргая, смотрел на люстру-вентилятор, шумно разбрасывающую воздух по комнате. Его ладонь пульсировала в ее ладони, словно вилка слепила их вместе, как канapé.

– Давай лучше анальгин, наверное.

– Может, еще курицу принести?

– Она уже растаяла, ее теперь только жарить... Куда ты хочешь уехать?

– Домой.

– Мы дома.

– Нет, совсем домой.

Марк усмехнулся в темноте.

– В нашу деревню?

– Не в деревню, а в маленький город. Помнишь, какими мы были, когда приехали сюда?

– Молодыми, – вздохнул Марк, – даже юными, вот и все.

– Нет, – возразила Лена, – дело не в этом. Мы любили друг друга. Я не била посуду, ты не орал, как резаный, если не мог отыскать свои носки. Мы не ссорились из-за денег и не ужинали по отдельности.

– Нам было по двадцать два года. Конечно, мы не ссорились из-за денег, у нас их просто не было.

– Послушать тебя, к тридцатнику все просто должны смириться с тем, что в отношениях наступает пиздец, и жить дальше, – начала заводится Лена. – Окей, окей, окей.

– Послушать тебя, человека можно остановить, воткнув ему в руку вилку. Мы не сможем вернуться назад такими, какими были семь лет назад. Если что-то менять, то здесь. От смены декораций ничего не произойдет.

– Сколько мы уже пытались?

– Не помню. Помню, что сегодня должен был забрать от тебя вещи.

– Мне показалось, что, если ты уйдешь, я умру, – вдруг сказала Лена, – и я разозлилась оттого, что ты этого не понимаешь.

Она вспомнила те времена, когда казалось, что они сшиты вместе, так крепко – не разорвать. Когда даже минуты врозь были невыносимы. Когда от переизбытка чувств хотелось плакать. Когда от простого касания рукой нечем было дышать.

Куда все делось? Почему остались только горечь и упреки? И почему тогда – и это обиднее всего – боль в его руке до сих пор ее боль тоже?

– Я бы, наверное, тоже умер, если б ушел, – тихо проговорил Марк, – поэтому я остался.

– А я думала, из-за вилки.

– Дура.

Они помолчали. В приоткрытом окне шумела автострада.

– Если ты хочешь быть вместе, надо пробовать здесь, – сказал Марк, – мы не будем сбегать и не будем притворяться, что ничего плохого не было. Не будем начинать все заново.

– А как тогда?

– Будем продолжать. Не обнулять ничего. Не говорить «окей». Завтра запечем курицу, выбросим все вилки. Может, я даже схожу к врачу, потому что рука пиздец как болит...

– Я тебя люблю, – прервала его Лена, приподнявшись на локте и прислонившись лбом к его лбу, – и заткнись ты уже про эти вилки...